

попaдaнец

Евгений Шалашов
ГОСПОДИН
СЛЕДОВАТЕЛЬ
СМЕРТЬ НА ОБОЧИНЕ

Евгений Шалашов
Господин следователь.
Смерть на обочине
Серия «Попаданец (АСТ)»
Серия «Попаданец (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
<https://litres.ru/72498211>

*Господин следователь. Смерть на обочине : роман / Евгений Шалашов:
АСТ; Ленинград; Москва; 2025
ISBN 978-5-17-173213-4*

Аннотация

Череповец XIX века – город тихий и законопослушный.

Но под его спокойной поверхностью скрывается разбойничья шайка во главе с женщиной и «оборотни в погонах».

Молодому следователю Ивану Чернавскому, не имеющему ни опыта, ни профессионального образования, предстоит распутать это дело.

В законопослушном и захолустном Череповце, где преступность должна сводиться к пьяному мордобою да мелким кражам, обнаруживается настоящая разбойничья шайка, во главе которой стоит женщина. И «оборотни в погонах» (в данном случае с петлицами), занимающиеся

«крышеванием» преступного элемента, существуют не только в России двадцать первого века, но и в России девятнадцатого.

До раскрытия преступления и ареста всей преступной компании молодому следователю придется опознать тело, что отыскали на обочине дороги. А как его опознать, если нет никаких «зацепок», а тестов ДНК еще попросту не существует?

Ивану Чернавскому, не имеющему ни профессионального образования, ни опыта, приходит на помощь наблюдательность и смекалка.

Содержание

Пролог	7
Глава первая	15
Глава вторая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Евгений Шалашов
Господин следователь.
Смерть на обочине

Серия «Попаданец»
Выпуск 199

Ленинград
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

© Евгений Шалашов, 2025

Пролог

В ящике стола лежат револьвер и патроны – двадцать штук. Заказывал после того, как стал брать уроки стрельбы у Абрютина и высадил в мишень не только собственный запас, но и запас исправника. Но двадцать – это чрезмерно. В принципе, одного хватит.

Уважаемые писатели. Особенно те, кто сочиняет книжки о попаданцах! Почему никто не написал, что в славном прошлом, в котором главный герой изобретает швейную машинку, открывает ногой дверь в кабинет товарища Сталина и учит жизни императора Николая II, он на самом то деле может погибнуть не так красиво, как ему представляется? Не от пули Яшки Блюмкина и не на льду Финского залива, во время подавления Кронштадтского мятежа.

Все будет проще и абсолютно неромантично. Герой, попавший в прошлое из двадцать первого века, может запросто помереть от воспаления легких, потому что пенициллин не изобрели; загнуться от поноса во время дизентерии (вода, которую пил в трактире, точно кипяченая?); доктор, извлекающий из плеча вражескую пулю, занес какую-нибудь инфекцию, вроде столбняка (эскулап ковырялся в ране грязным зондом!); а прекрасные и доступные девушки, которых у тебя целый гарем, наградили неприличной болезнью. Бьюсь об

заклад, что от «любобной хвори» умерли не только Мопассан и Гонкур-младший, но еще и не одна сотня ошалевших от вседозволенности попаданцев, которых погубила если не сама болезнь, то ее лечение. Чего стоит спринцевание горячим молоком заветной части тела? А ртутная мазь? А если бедолага попал в век этак восемнадцатый, станут лечить кровопусканием до тех пор, пока он не умрет от потери крови.

Помалкиваю о том, что у нового тела отсутствуют прививки от оспы, полиомиелита, скарлатины, коклюша и... Как говорится, список можно продолжить.

Но уверен, что автор, отправляющий моих коллег в просвещенный век Екатерины Великой, серебряный век Блока, обязательно держит в уме, что главный герой:

1) имеет дело лишь с правильными женщинами, не ходит налево; а если и ходит, то осторожно;

2) пьет только кипяченую воду, в крайнем случае – пиво или водку. Не спивается и не теряет контроль над собой;

3) во время эпидемий сидит дома и носит маску. Или его здешнее тело автоматически получило все прививки, полученные в том мире;

4) хирург при виде попаданца быстренько кипятит свои инструменты или хотя бы протрет их спиртом, а не использует жидкость для иных нужд; заодно эскулап начнет мыть с хозяйственным мылом свои руки, которыми он недавно ковырялся в покойнике;

5) станет придерживаться диеты, не волноваться, потому

что язву желудка, которую у нас лечат антибиотиками, станут оперировать, отчекрыжив добрую треть желудка; а еще лучше, если попаданец позабудет о такой штуке, как язва. Позабыл – так ее вроде бы и нет.

Но как большой специалист по попаданчеству (разве не специалист? обо мне уже четвертую книгу пишут), знаю, что есть вещи, более страшные, нежели инфекционные заболевания. По крайней мере, по сравнению с теми адскими муками, что я претерпел нынешней ночью.

Зуб у меня прихватило еще днем, на службе. Но поначалу боль была более-менее терпимой. Я, хоть и морщился, но улыбался и даже смог процитировать сослуживцам, заходившим ко мне в кабинет, «Оду к зубной боли» Роберта Бернса.

Ты, завладев моей скулой,
Пронзаешь десны мне иглой,
Сверлишь сверлом, пилишь пилой
Без остановки.
Мечусь, истерзанный и злой,
Как в мышеловке.

Так много видим мы забот,
Когда нас лихорадка бьет,
Когда подагра нас грызет
Иль резь в желудке.
А эта боль – предмет острот

И праздной шутки!¹

Мои коллеги – милейшие люди. Не стали спрашивать, кто автор стихотворения, но сразу же принялись давать самые разнообразные советы. Например, приложить к больной щеке горячее яйцо (ладно, что не куриный помет к больному зубу!), сходить в храм и поставить свечу к образу святого Пантелеймона (не помогло!), заварить кору дуба или выкурить папиросу. От безнадежности схватился за папиросу, но улучшения не заметил. От второй благоразумно отказался, не верю, что будет толк².

Еще один совет взял на заметку, но это, если уж совсем станет худо, – отправиться в казенку и купить там не меньше полуштофа водки, взять на службе дня три больничных, сидеть дома и лечиться.

Ближе к ужину стал обдумывать поход в больницу. Профессионального стоматолога в Череповце нет, не уверен, что они вообще существуют в Российской империи, зато у нас имеется фельдшер, практикующий зубовыдиране. Видел как-то его инструменты – долото, молоток и крючки. А еще щипцы... И с длинными губками, и с изогнутыми, вроде клюва. Но самые страшные – с винтом, который вкручивается в больной зуб.

¹ Перевод Самуила Маршака.

² И правильно. Автор когда-то поверил, с тех пор (больше сорока лет) мечтает бросить курить.

Если выпить стакан водки, возможно, что и вытерплю. Отец рассказывал, что во времена его молодости зубы сверлили без анестезии. Но это, думаю, одна из отцовских шуток. Мне и с уколom-то лечить зубы не слишком комфортно. Удалять зуб без обезболивания? Нет, пожалуй, понадобится два стакана.

Видимо, подслушав мои мысли о щипцах, больной зуб испугался и успокоился. И я тоже успокоился, пошел домой.

За ужином было вроде и ничего.

Порадовавшись, что все прошло само собой, улегся спать. Но боль, оказывается, попросту притаилась в засаде. Выжидала момент, когда и казенка уже закрыта, и в больничку не попрешься. И так прихватило, что проснулся ночью от такой дикой боли, что едва не завыл. Вспомнив старый проверенный способ, пошел на кухню. Лучше всего бы подошло соленое сало – удобнее, но сала у хозяйки нет. Захватив из солонки щепотку соли, попытался засунуть ее в зуб. Если бы зуб был нижний, но болел верхний.

От соли зуб притих, но онемела щека. Потом опять снова все заболело. Начал использовать всякие китайские методики. Типа – указательным пальцем нашарить ямочку на подбородке и начать массаж. По часовой стрелке крутить или против? Попробовал и так, и этак. Шиш.

Вот тут-то я и подумал о револьвере. Но револьвер – это уже совсем на крайняк. Может, отправиться завтра к фершалу, пусть выдерет? А еще неплохо бы все зубы вырвать, что-

бы на будущее ничего не болело. Вставляю протезы. Не очень удобно, зато не нужно мучиться. А чтобы зубы не снашивались во время еды, буду вынимать.

Снова забабахал соль. Кажется, ненадолго отключился.

Проснулся от звяканья ухватов, потом в дверь постучались.

– Иван Александрович, – услышал я голос хозяйки. – Вставайте, завтрак уже на столе.

Встал, умылся, оделся. Посмотрел на стол и понял, что есть сегодня не смогу. От боли уже щека дергается, глаз болит. Наталья Никифоровна, посмотрев на меня, заахала:

– Иван Александрович! Как щека-то распухла! То-то ты ночью скакал.

– М-м-м...

– К знахарке надо идти, та зашепчет, – уверенно заявила хозяйка – вдова коллежского асессора и дворянка.

– М-м? – попытался спросить – где эта бабка? Уже на все согласен.

Если бы мне кто-то раньше сказал, что отправлюсь за полторы версты к какой-то бабке, что станет заговаривать зубы, решил бы, что кто-то сошел с ума. Либо тот, кто мне об этом сказал, либо я сам.

Но нынче мне было глубоко наплевать, что и кто скажет, поэтому просто оделся и зашагал вслед за хозяйкой на окраину города, прошел в низенький дом, крыша которого сровнялась с землей, где печь топится «по-черному», стены по-

крыты столетней сажей, уселся на лавку... Древняя старуха, похожая на прабабушку бабы Яги, сразу же оценив мое состояние, вытащила из-под стола бутылку с чем-то похожим на воду, налила жидкость из нее в чашку с отбитой ручкой, кинула туда камушек, похожий на «чертов палец», и принялась что-то шептать. Историк, сидевший во мне, нынче забился так глубоко, что предпочел не высовываться, и я слышал только слова молитвы, да еще пожелание моей зубной боли «уйти и не приходить». Закончив шептать, бабуля придвинула мне чашку и приказала:

– Пей, барин.

– М-мть?

– Нет, не полоскать. Пить.

Ну да, помешкал немного, потом выпил. Авось это вода колодезная или хотя бы из родника...

– Держи.

Знахарка протянула мне нож – серебряный, с закругленным кончиком. Для масла, что ли? Старинный, однако.

– Упри в щеку, гладь там, где зуб болит, и говори: нож боли боится, боль – ножа, нож боль прими, боль-боль, уходи сегодня, приходи вчера.

И я, титулярный советник, старший следователь по важным делам (о высшем образовании и корочках кандидата наук промолчу!), принялся тереть кончиком ножа щеку и бормотать:

– Нож боли боится, боль – ножа, нож боль прими. Боль-

боль, уходи сегодня, приходи вчера.

А ведь ушла, боль-то! Господи, прости ты меня дурака за то, что о револьвере задумался! Глупости это! А жить-то как хорошо!

– Бабуль, сколько с меня?

– Да сколько не жалко, барин.

Да мне вообще не жалко! Сколько у меня в бумажнике? Все деньги с собой не ношу, но рублей тридцать-сорок должно быть. Вот, сейчас все и отдам.

– Иван Александрович, не спешите, я сама отдам, потом рассчитаемся.

Хозяйка протянула знахарке рубль, кивнула бабе Яге и потянула меня за собой. Наставительно сказала:

– Иван Александрович, вам еще надо позавтракать – яичницу вашу любимую быстро поджарю, а потом на службу идти.

Глава первая

Деревня Борок и ее обитатели

– Иван Александрович, а почему ты без ничего? Без плаща или хоть рогожи какой? – удивленно воззрился на меня Ухтомский.

Я хмуро отмахнулся. Выходил из дома – дождя не было, потом полилось, словно из ведра. Добежал до полицейского участка, где меня ожидали пристав и городовые Смирнов с Егорушкиным, с которыми поедем в Борок. Все трое, поверх шинелей, облачены в плащ-накидки с капюшонами.

– Не, ваше благородие, промокнете, – покачал головой Смирнов, словно я сам об этом не знаю. – Надо было хоть рогожу какую взять.

Что делать, если у меня ничего нет? Ни плаща нет, ни зонтика даже. Судебным чиновникам, в отличие полицейских, накидки не положены. Можно бы самому купить охотничий плащ, вроде того, в чем ходит мой сельский коллега Литтенбрант, но до сих пор не собрался. Опять-таки – надобности не было. Мне для начала хотя бы башлыком обзавестись. Октябрь, уже не жарко, а скоро зима. Не силен я был в тонкостях форменной одежды чиновников, не задумывался, каково ходить в фуражке по холодам? Сейчас осознал, что хреново. Пальто с меховым воротником у меня есть, но

зимние шапки для нашего брата не предусмотрены, чтобы спасти уши и голову, чиновникам положено в зимнее время носить башлыки – что-то вроде теплого съёмного капюшона. Беда, что в Череповце его не купить. Здесь можно сшить (как говорят – построить) мундир, шинель и пальто, тебе стачают любую обувь (хоть на манер французской!), а вот фуражки и башлыки приходится заказывать в Новгороде или Санкт-Петербурге. Надеюсь, со временем местные предприниматели развернутся, откроют мастерские по изготовлению нужных чиновникам предметов гардероба.

– Надо было хоть что-нибудь с собой взять, – продолжал причитать Смирнов.

Чего терпеть не могу, так подобных причитаний. Все мы задним умом крепки, а говорить – надо было так сделать, а не этак, раздражает. И сразу теща вспоминается. Она тоже понуть любила.

– Что я возьму? Зонтик или капор женский? – огрызнулся я. – Ты мне помочь чем-нибудь можешь? Если нет, то помалкивай и радуйся, что своя голова сухой останется. И задница заодно.

Пока воспитывал городского, что старше меня в два раза, пристав Ухтомский успел открыть шкаф и вытащить из него серый сверток. Развернув его, продемонстрировал плащ-накидку.

– Новехонькая, – сообщил пристав. – Берите, Иван Александрович, пригодится.

– Вот, спасибочки, Антон Евлампиевич, – обрадовался я, накидывая плащ. Показалось, что теплее стало. – Верну в целости и сохранности.

– Не вздумайте! – замахал руками Ухтомский. – И денег не предлагайте, обижусь. Подарок это. У меня таких штуки три, не знаю, куда девать. Выдают раз в пять лет, а я еще прежние не сносил.

Выехали двумя колясками. На первой мы с приставом, на второй городовые. Пока двигались городом – еще ничего, но на выезде, как перебрались через реку Ягорбу, дорога стала похуже, но ехать можно. Но как только свернули, вместо дороги пошла грязь и сплошные лужи.

– Дождь тут вчера и позавчера лил, – сообщил Ухтомский. – Странное дело, что до нас только сегодня добрался.

Я покивал. Как такой дождь называют синоптики? Вроде пятнистый.

Под копытами лошадей мокрая земля хлюпала, колеса проседали, словно не по земле едем, а по болоту. И сверху лило. Спасибо Антону Евлампиевичу, иначе уже промок бы насквозь.

– Это еще ничего, – утешил меня пристав. – Если на Белозерск ехать, там глина сплошная. Когда намокнет – телега вязнет по самые оси, спицы залепит, колеса, словно караваи ржаные, не крутятся. Приходится вылезать и толкать.

– Сыро – это даже и хорошо, – продолжал Ухтомский. – Все по домам сидят.

На мой взгляд, крестьянину и без дождя положено сидеть дома. Все, что можно убрать – убрали, озимые еще в августе посеяли.

С грехом пополам одолели версту минут за двадцать. Пешком быстрее.

В деревне Борок нас никто не ждал. А мне нужна изба, чтобы развернуть в ней «полевой штаб». Пристав это знал и, не спрашивая, уверенно направил коляску к одному из домов, стоящему на отшибе.

– Знакомец здесь мой живет, – сообщил Ухтомский. – Игнат Сизнев. Вдовец, дочка у него одна, сам девке и за мамку, и за папку. Дочь у него толковая, школу грамоты окончила, по хозяйству отцу помогает. У Сизнева попросторнее, у него мы допросную и устроим. В другую избу пойти – там от народа не протолкнешься, а выгонять – вроде неловко.

– Сизнев – он не родственник того Сизнева, у которого лошадь? – поинтересовался я.

– Так тут и живут одни Сизневы, Терехины да Парамоновы. Все друг дружке кем-то приходится. Сизнев Игнат – он только по сословию крестьянин. Живет в деревне, работает в городе, на складе железоскобяных изделий купца Высотского. Что для здорового мужика две версты пройти? Тьфу. Он и хлеб давно не растит, огород только имеет, из живности одна коза.

Невольно улыбнулся, услышав фамилию купца. Когда услышал впервые, посчитал, что Высоцкий. Но нет, этот –

Высотский.

Ухтомский слез с коляски и постучал в двери.

– Тятеньки дома нет, – отозвался из-за дверей девичий голос.

– Нюшка, открывай, – потребовал пристав. – Тут полиция, а еще начальник из города.

Дверь открылась и на пороге возникла невысокая девочка. Нет, уже не девочка, но еще и не девушка. Угловатый подросток лет тринадцати или четырнадцати. Простоволосая, одетая в юбку и темную блузку.

– И что надобно? – с недовольством поинтересовалась девчонка, нисколько не тушуясь появлению полиции. И никакого страха в голосе.

– А надобно нам, уважаемая барышня, такое место отыскать, чтобы ваших односельчан допрашивать, – слегка насмешливо сообщил я. – У вас, говорят, просторнее будет, нежели у других.

Ждал, что барышня скажет – мол, в другую избу ступайте. Но нет, все-таки не решилась. Зато эта пигалица, смерив нас строгим взглядом, заявила:

– Подождите маленько, дорожки скатаю. Натопчете, стирай их потом.

Мы с приставом только переглянулись. Но ждать за порогом не стали – дождь идет, вошли внутрь, скромно помялись у входа, дожидаясь, пока аккуратная хозяйка не уберет половики.

Девчонка, складывая свернутые в рулоны дорожки друг на друга и утаскивая в угол, ворчала:

– Вчера убирала, сегодня опять убирай...

Дом Игната Сизнева внутри такой же, как все прочие. Об-
раза в углу – мы с полицейскими дружно на них перекрести-
лись, русская печь, стол, пара сундуков и лавки вдоль стен.
Еще кросна – деревянный ткацкий станок.

Но кое-что отличало эту избу от других. Лавки застелены
не привычными взору половиками с поперечными полоска-
ми, а с изображениями цветов, диковинных птиц и рыбин.

– Красиво, – похвалил я работу. – На такие половики и
садиться жалко. Их только на стенку вешать, любоваться.

– Ох, не смешите барин, – усмехнулась девчонка. – Кому
такое добро нужно?

– Не сама ли ткешь? – полюбопытствовал я, кивая на
кросна.

– Сама только простые половики тку, что у всех, – отозва-
лась Нюшка, потом вздохнула: – Мамка-покойница мастери-
цей была. Смеялись над ней – мол, зачем тебе диковины вся-
кие, она отвечала – красивше так.

– Может, уступишь? – поинтересовался я, не слишком хо-
рошо представляя – куда дену эти половички...

– А сколько дадите? – быстро спросила девчонка, прищу-
рив глазенки.

– Сколько обычный половик стоит? – спросил я у приста-
ва.

Но тот лишь пожал плечами, неуверенно ответил:

– Может, двадцать копеек, может, и пять.

– Это от длины зависит, – вмешалась Нюшка. – Если длинный, во всю избу – так двадцать, а вполовину – гривенник.

Решив, что покупку следует отложить, махнул рукой:

– Потом поторгуюсь, когда дело сделаю.

В доме тепло, поэтому снял с себя и плащ и шинель. Пристроив фуражку на деревянный гвоздик, уселся за стол и положил рядышком папку.

– Антон Евлампиевич, приступим, – кивнул я приставу. – Вначале коневладельцев доставьте – Федора Сизнева и Гаврилу Парамонова. Тащите по очереди, с кого начинать – без разницы.

– А с этой козой что? – спросил пристав. – Выгнать пока?

– Чего это, меня из собственной избы гнать? С места не двинусь! – возмутилась девчонка, изрядно меня насмешив. Нет, определенно не вписывается барышня в стереотип о забитых крестьянках.

– Тебе бы, коза-дереза, юбочку задрать да ремешком поучить, – беззлобно сказал пристав, посмеиваясь в усы.

Думаю, лупить девчонку ремнем Антон Евлампиевич не стал бы, но из дому выгнал.

– Нюша, это ведь Анна? – уточнил я на всякий случай. Посмотрев на девчонку, спросил: – Аня, ты понимаешь, что на допросах посторонним нельзя присутствовать?

– А что я услышу? – фыркнула девчонка. – Про то, как на-

ши мужики конокрада убили? Так это все знают, потому что все либо сами били, либо смотрели, как другие бьют. Все, кроме тятеньки. Он в ту ночь на складе товары принимал – привезли поздно, а там и утро настало. Вчера вечером поздно пришел, поужинал, поспал и опять в город.

Ишь, маргышка, отцу алиби обеспечивает. Умная девочка. Сказал бы, что далеко пойдет, но не стану. Куда пойдет? В лучшем случае замуж она пойдет не за нищего крестьянина, а за ремесленника или мелкого торговца. Уверен – с такой женой торговец в гильдейские купцы выйдет.

– Понимаю, что ваш это дом, но придется тебе, Анна Игнатьевна, сходить погулять, – твердо сказал я. – Или боишься, что половички красивые украду? Обещаю – как все закончим, половички куплю и цену хорошую дам.

– Все не отдам, – сразу же заявила девчонка. – Продам штук пять, остальные на память о мамке оставлю.

Сунув ноги в сапоги (вот-вот, не лапти обула!), накинув какую-то кацавейку, Нюшка уже на выходе спросила:

– Вы, барин, учителем не желаете стать?

– Учителем?

Признаться, малость опешил от такого вопроса. Учителем был в той жизни и, как говорят, неплохим.

– Вы, барин, очень толково все излагаете, убедительно. Мне с вами даже спорить не хочется. А наш Никита Сергеевич, что в школе грамоты вместе с батюшкой Никодимом уроки вел, тот завсегда орал.

– Особенно на тебя... – предположил я.

– Ага, – с удовлетворением согласилась Нюшка. – Говорил, что девкам грамота не нужна, считать им тоже не нужно, им мужа ублажать да рожать надо. Но он орал, когда трезвым приходил, а пьяненький добрый. А вы, наверное, в школу бы пьяным не приходили, но не орали.

– Нет, не хочу в школу. Учителя маленькое жалованье получают, – нашелся я, почти не погрешив против истины.

Допустим, преподаватели гимназии, если имеют чин, получают достойное вознаграждение, сопоставимое с моим, а то и больше. Но в земских школах, не говоря уже о церковно-приходских или школах грамоты – кошкины слезы. Пятнадцать рублей в месяц – разве деньги? С таким жалованьем и я бы пьяным на уроки стал приходиться.

Городовые привели ко мне первого подозреваемого – Федора Сизнева, тридцати пяти лет от роду. Сизнев поведал, что в ночь убийства проснулся от лая собаки, к которой присоединились все остальные шавки, выскочил на улицу. Услышал шум на другом конце деревни, у дома Гаврилы Парамонова, побежал туда. А там, возле своей конюшни, Гаврила бил незнакомого мужика. И не один лупил, помогали родичи – два родных брата Парамоновых и два двоюродных – Семен и Егор Терехины. Сам Федор никого не бил, только смотрел.

Доставленный вслед за Федором, Гаврила Парамонов, сорока семи лет, дал свои показания – ночью спал, проснулся

от лая собаки, выскочил и побежал. Видел, как Федор Сизнев бил конокрада, что пытался украсть его мерина. Федору помогали родные братья в количестве трех человек и двоюродные – Иван и Игнат Терехины. Из Сизневых не бил вора только Игнатий, которого не было.

Нет, это не Фуэнте Овехуна, это похлеще.

Допрос двух главных подозреваемых затянулся надолго. Решив, что на сегодня хватит, – и сам не обедал, и полиция голодная сидит, – велел передать прочим, чтобы завтра с утра подходили к дому Игнатия Сизнева.

– Что дальше станем делать? – поинтересовался пристав по дороге домой.

Антон Евлампиевич присутствовал на обоих допросах. Не вмешивался, тихонько сидел в сторонке и помалкивал. Но ему не было команды вмешаться и угрожать. Был бы один только подозреваемый, сыграли бы мы с Ухтомским в «злого и доброго». Когда двое, смысла нет.

– Допрошу остальных, для очистки совести конюшни осматрю.

– А конюшни зачем? – не понял пристав.

Да, зачем осматривать конюшни? Следы крови дожди смыли.

– Когда городовые первый опрос провели, мужики говорили, что конокрад уже лошадь из конюшни выводил, – пояснил я. – Возможно, запоры сломал или замки.

– Какие замки? Зачем? – удивился Ухтомский. Увидев

мой изумленный взгляд, пояснил: – Иван Александрович, никто на конюшню замки не навешивает. Не дай бог пожар, так замок не враз и откроешь, а засов откинул – и все.

На следующий день наладился настоящий конвейер. Крестьяне деревни Борок подходили по очереди в дом Игната Сизнева давать показания.

Я отчего-то не удивился, когда два родных брата Гаврилы Парамонова и оба двоюродных дали показания на Федора Сизнева и его родственников, а братья и двоюродники Федора, соответственно, – на Гаврилу. Нужно сказать, что на восемь мужиков потратил времени меньше, нежели вчера на допрос двоих. Говорили четко, без запинок.

То, что мужики сговорились, понятно не только мне, но и козе Игната Сизнева, которая своим бляением иной раз мешала допросам. Но тут не только сговор. Здесь даже посложнее, чем круговая порука. Одна половина деревни обвиняет другую половину.

Сложилось впечатление, что идея принадлежала очень неглупому человеку, который давал инструкции остальным. Но кто он?

Придется сдавать дело прокурору, чтобы тот составил заключение о «невозможности довести открытое дело по убийству Фомина до суда, ввиду невозможности установить лицо или лиц, совершивших оно».

Обидно. Все-таки целых два преступления раскрыл. Одно, допустим, раскрывать не нужно было – там все и так было

ясно. Но ведь второе-то, убийство Долгушинова – моя гордость.

– Пойду на конюшни посмотрю, – сказал я приставу. Предупреждая вопрос, пояснил: – Мне все равно нужно рапорт составить, если акта осмотра нет.

Акта нет, потому что непонятно – где произошло преступление?

Антон Евлампиевич решил составить компанию. По дороге он все-таки принялся утешать:

– Иван Александрович, такое преступление раскрыть нельзя. А коли раскроешь, то всю деревню все равно не посадишь.

Я с ним не спорил. Прошел до дома Гаврилы Парамонова, осмотрел двор, сарай, где стоит кобыла. На кобылу смотреть не стал – ничего не скажет. Глянул на кобелька, зашедшегося в истощном лае, на который немедленно отозвались соседние собачонки.

Потом мы с приставом отправились на другой конец деревни, к дому, где жил Федор Сизнев. И тоже осмотрели двор, но к сараю с меринком подходить не стали, потому что на нас залаяли аж две собаки, а кобели или сучки – я не понял.

Ну, посмотрели, теперь домой. Еще можно поторговаться с девчонкой о цене на половички. Пожалуй, пять штук купить не стану, но три возьму. Но что-то меня встревожило. Что?.. Понял!

– Возвращаемся? – почти в один голос спросили Смирнов и Егорушкин, которым осточертело таскать на допросы мужиков.

– Ага, – кивнул я. – Возьмите с собой Гаврилу Парамонова, доставите его в участок. Пусть посидит, завтра допрос начнем. А мне нужно еще кое-кого допросить. Антон Евлампиевич, поможете?

Удивились все трое. Но задавать вопросы – почему арестовывать Парамонова, не стали.

Городовые пошли за подозреваемым, а мы с приставом – в дом. Там сидела мрачная Нюшка Сизнева.

– Полы-то уже можно мыть? – поинтересовалась она в первую очередь, а во вторую спросила: – Дорожки мамкины будете брать или раздумали?

– Дорожки покупать буду, целых три штуки, – сообщил я. – А полы станешь мыть после допроса. Тебя, Анечка, стану допрашивать.

– Меня?

– Тебя-тебя, – улыбнулся я почти ласково. – Хочу узнать – почему ты мужиков надоумила так ловко соврать? И еще – почему вся деревня, двенадцать взрослых людей, послушались одну пигалицу?

Нюшка недоуменно заулыбалась, но не особенно правдоподобно.

– Анна Игнатьевна, – официально обратился к девчонке, – тебе рассказать, в чем твой прокол?

– Прокол? Ничего я не прокалывала.

– Анна, ты же прекрасно все поняла, – поморщился я. – Прокол – это твоя ошибка. Ты допустила только одну, но ее хватило, чтобы арестовать Гаврилу Парамонова. Сейчас его повезут в город, посадят в тюрьму, а там он все расскажет. И о тебе тоже. Так интересно, в чем ошибка?

Нюшка Сизнева понурила голову, пробурчала:

– Интересно.

– Тогда расскажу, – пообещал я, искоса посматривая на пристава.

Бедный Антон Евлампиевич. Поначалу, видимо, решил, что молодой следователь спятил, а теперь смотрит на девочку открыв рот.

– Так в чем ошибка-то? – напомнила о себе Нюшка.

– Все дело в собаке, – сказал я.

– В собаке?..

Пришлось пускаться в пояснения и рассуждения.

– Все мужики твердили – залаяла собака, ей вторили остальные. Верно? Не слишком ли часто повторяли про одну собаку? И все спросонок определили – вначале одна, потом остальные? Это правдоподобно, как ты считаешь? Как же тут не задуматься. У Федора Сизнева во дворе две собаки, у Гаврилы одна. Будь ты на месте конокрада, на чей двор полезла?

– Туда, где одна собака, – кивнула Нюшка.

– Умница. Если бы говорили – собаки залаяли, я выбе-

жал на шум – то никаких зацепок. Залаяли и залаяли, собакам положено лаять. Но если все говорят об одной собаке, какой напрашивается вывод? Что человек, давший наставления мужикам, соединил правду и вымысел. А крестьяне, словно попугаи, все запомнили и талдычили.

– А как вы догадались, что это я придумала? – спросила девчонка со страхом, смешанным с гордостью

– Ты мне сама сказала, – пожал я плечами.

– Когда? – вскинулась девчонка.

– В самом начале, когда ты дорожки в избе скатывала, – пояснил я. – Вчера, как мы приехали, то вся изворчалась – мол, сегодня убирай и вчера убирала. Резонный вопрос – зачем ты вчера половики скатывала? Значит, в ваш дом приходили мужики, а ты девчонка аккуратная, грязь не любишь.

– Не люблю, – подтвердила Нюшка.

– Я поначалу на твоего отца думал. Игнатий, человек умный, не зря приказчиком на складе служит...

– Управляющим, – поправила меня девчонка.

– Тем более, управляющим. Придумал все кто-то умный, но твой отец в эти дни дома почти и не был. Значит, мужики приходили к тебе. Вот теперь самое непонятное. Взрослые люди пришли за советом к девчонке. Как так?

Нюшка подняла голову и улыбнулась.

– А я умная, – сообщила она. – Читать и считать умею, писать тоже. В город часто хожу. Цены примечаю – где меньше, где больше. Слушаю, о чем приказчики купеческие раз-

говаривают. На меня внимания не обращают – девчонка, да еще маленькая. Что она понимает? Записываю, потом думаю – кому выгоднее шерсть продать, кому сено. А вот с зерном у нас плохо, земля худая, самим покупать приходится, так я тоже смотрю – у кого подешевле. И покупать лучше пораньше, не весной, пока цены не подняли. С пуда две копейки – и то выгода. Надо мной поначалу смеялись, затрещины отвешивали, потом прислушиваться стали. С год уж за советами ходят.

– Отцу, наверное, ты помогла управляющим стать? – любопытствовал я.

– Немножко, – хихикнула Нюшка. – Господин Высотский, которому склад принадлежит, хотел барочные гвозди у мужиков брать – двадцать пудов. Если поменьше, пуд или два, можно проверить, перебрать, а двадцать – долго. Высыпать, перебрать – дел на полдня. Поэтому только верхние смотрят. А я услышала, что половина гвоздей не из привозного железа – оно хорошее, а из болотного. Болотную руду добывать трудно, да и плохая она, зато деньги на уральскую не надо тратить. Половину гвоздей мужики из привозного железа отковали, половину из нашего. И плохие гвозди в самый низ сунули. Потом-то бы все раскрылось, но денежки-то у господина Высотского уже тютю. Я тятеньке рассказала, он решил всю партию перебрать. Ох, и ругались мужики! Зато господин Высотский прознал, тятю управляющим назначил.

– Ну, девка, ума у тебя палата, – покачал головой Ухтом-

ский.

– Умная девушка, – согласился я. – Ладно, а мужики-то что?

– А что мужики? – хмыкнула Нюшка. – Дядька Гаврила вначале пришел, за ним остальные: а что делать-то? Ежели воруго все убивали, то все в Сибирь и пойдём? Спрашивают – подкажи, ты девка умная. Жалко дядьку – он моего тяти четвероюродный брат. Родня, как-никак. Тут я и думаю – если одна половина деревни на другую покажет, а другая – на эту, и каждая на своем настаивать будут, до правды никто не докопается.

– Анна Игнатьевна, как хорошо, что ты моей женой никогда не станешь, – искренне сказал я. – От умной жены надо подальше бежать, а от такой, как ты – еще дальше.

– Не женятся господа на крестьянках, – наставительно произнесла Нюшка, словно она не деревенская девчонка, а героиня какого-нибудь романа. – А если бы и женились, я бы за вас замуж не пошла.

Пристав захохотал, а я немного обиделся.

– Почему это?

– А потому, барин, что вы тоже умный. А двое умных в одной семье быть не может, одна голова должна быть. Станет две – разлад пойдет. Вы бы лучше сказали: что мне за это будет?

Пристав посмотрел на меня, я на пристава.

– Тебе сколько лет? – поинтересовался я. – Четырнадцать?

Если четырнадцать, тогда ничего. Если бы убила кого или украла что-то, тогда да. А введение следствия в заблуждение наказуемо только после совершеннолетия.

– А что с дядькой Гаврилой будет? В Сибирь сошлют или смертью казнят? А с остальными?

Вот ведь неугомонная девка. Не стану же ей говорить, что вначале нужно получить признание Парамонова, потом придется допрашивать по новой всех мужиков, а еще и баб. Но даже если все расскажут чистую правду, скорее всего, ни Сибирь, ни даже заключение никому не грозит. Что взять с Гаврилы Парамонова? Мужик пытался защитить собственное имущество, а если попадется толковый присяжный поверенный и подсказет, то вообще заявит – мол, конокрада застал на месте преступления, тот пытался меня убить, народ кинулся спасать земляка. Конокрада убили, но не хотели, так получилось. А врал следователю, так бес попутал, со страха.

– Барин, а дорожки?

Точно, собирался купить. Не знаю, зачем они мне? Но коли обещал, придется.

– Беру три штуки, даю рубль.

– Маловато, барин. Сами сказали, никто за язык не тянул – красота тут, которую на стенку надо повесить и любоваться. За красоту полтинник накиньте.

Вот ведь, малолетняя вымогательница. Выскреб из кармана все серебро, рубля на два, и высыпал в загребушую ручку.

Красота денег стоит. И девчонка мне понравилась. Про таких говорят – из ума сложена. Только не дай бог, если у меня когда-нибудь родится дочь и станет такой же умной, как Нюшка.

Глава вторая

О проблемах женского образования

Помощник окружного прокурора Виноградов слегка ошалело посмотрел на меня, когда я явился к нему с двумя толстенными пачками. Складывая их на стол, радостно сказал: – Александр Иванович, работу вам принес!

Еще бы мне не радоваться – почти две недели ездил в Борок, допрашивал и передопрашивал мужиков и баб. Можно сказать – жил на работе. Городовые уже ошалели, пристав меня за глаза материт. Наталья Никифоровна ворчит – дескать, с лица спал, не ест ничего! Даже ночью (простите за интимную подробность) беспокоилась – не слишком ли устал, не вредно ли для здоровья?! Не понимала, что это возможность снять стресс, накопившийся за день. Каково это слушать от баб: «Барин, ницё не цюю, ницё не знаю!» и от мужиков «Ну, усе били, дык и я бил, а цё?»

Теперь все бумаги подшиты, готовы к передаче в суд. Как там в загадке? Вопрос: что означает «кончил дело – гуляй смело»? Ответ – выходной день у следователя.

– Это по вашему конокраду? – грустно спросил Виноградов.

Конокрад-то вовсе не мой, он сам по себе, но спорить не

стал.

– По нему, родимому, чтоб ему пусто было.

Титулярный советник загрузил еще больше. Понимаю. Мое дело снять показания, отыскивая истину, а ему все это читать, вникать, писать заключение, передавать дело в суд, потом выступать обвинителем на процессе.

– Говорят, вы половину деревни в тюрьму определили? – спросил Виноградов.

– Враки. Не половину, а только четверть, – уточнил я. – Зачинщика отправил и двух его братьев, которые мертвому Фомину руки-ноги поленьями ломали. Тех, кто конокрада убивал, понять еще можно, но когда над трупом измываются, это плохо. В деревне тринадцать мужиков живет, один не в счет, в городе безвылазно пропадает, три от дюжины, как раз и получится четверть.

– М-да, основательно вы потрудились, – похвалил меня помощник прокурора. – По подобным преступлениям следователи по-иному все делают. Запишут показания человек двух или трех, остальных полицейские допрашивают, в рапорт внесут, а суд уже сам решает – вызывать свидетеля на процесс или нет. И следователю работы меньше и судьям легче.

– Что тут поделать? – развел я руками. – Если бы мужики сразу правду сказали, и заморачиваться бы не стал. А они сами себя перемудрили.

Удивительно, но никто из крестьян не заложил Нюшку.

Может, им стыдно, что послушались сопливую девчонку?

– Я свое дело сделал, теперь вы трудитесь, – сказал я. Хотел добавить – бога не забывайте, но не стал. – Вот в этом деле, – постучал пальцем по первому тому, – первоначальные показания, во втором – повторные. Еще здесь допрос старшего брата конокрада – Иллариона Фомина. Человек из Грязовецкого уезда приехал, чтобы тело любимого брата на родине похоронить.

– Ничего себе! – закрутил головой Виноградов.

Я сам позавчера башкой затряс, узнав, что меня дожидается крестьянин из Вологодской губернии. Хочет, чтобы господин следователь разрешил ему тело брата забрать. Мол, черкните записочку служителям морга, иначе не отдадут.

Мне этот покойник не нужен, а невостребованный труп по истечении месяца похоронят за счет города. Записку я написал, но коли брат конокрада-неудачника пришел, его тоже допросить следует. Пусть члены суда узнают, что покойный Игнатий Фомин был хорошим человеком и искусным сапожником. Жил себе в Починке, землю пахал, а еще валенки лучше всех в волости подшивал и сапоги чинил. Купец приезжий, что кожи по деревням скупал, Игната с панталыка сбил. Зашел к нему заплатку на сапог поставить, увидел работу брата, сманил того в Рыбинск. Доехал ли младшенький до Рыбинска, кто его в конокрады зазвал – Илларион не знает.

Меня удивило – а как крестьянин, проживающий в сосед-

ней губернии, вообще узнал о гибели брата? Оказывается – все просто. Приехал к нему урядник и все сказал. Еще и дознание учинил – мол, знал ли Илларион, что его брат конокрад?

Сам я всех тонкостей здешней полицейской работы не знаю, могу лишь предположить, что после опознания тела Игната Фомина наш исправник отправил телеграмму в губернский центр, оттуда, как положено, проинформировали Вологду и Грязовец. Конокрадство – не самое распространенное преступление, но случается. Грязовецкая полиция, вполне возможно, станет «отрабатывать связи» Игната Фомина. Или, если урядник приходил, уже отработала.

Молодец Илларион, не поленившийся проехать сто пятьдесят верст, чтобы забрать тело младшего. А ему еще с трупом на родину возвращаться.

Невольно вспомнился случай, тоже связанный со старшим братом покойника. Другого, разумеется. Недавно, когда заходил по своим делам к исправнику, Василий Яковлевич показал мне запрос из канцелярии новгородского губернатора, в котором его высокопревосходительство (не сам, разумеется, через своих подчиненных) интересовался: почему череповецкая полиция до сих пор не вернула вещи покойного фельдшера Щепоткина его брату? Где овчинная шуба и полушубок, костюм праздничный новый, восемь рубашек, три пары кальсон, сапоги, а самое главное – набор немецких хирургических инструментов, купленных за семьдесят руб-

лей?

Брат покойного фельдшера Виссариона, Михаил Щепоткин из Мороцкой волости, просит господина губернатора, чтобы тот посодействовал в возвращении вещей усопшего. Чуть не спросил исправника – фамилия брата самоубийцы точно Щепоткин? Или он все-таки Шпак?³ Список вещей самоубийцы изрядно меньше⁴, а уж набора хирургических инструментов там точно не было. Зачем они Щепоткину? Понятно, что в исключительных, я бы даже сказал – в экстремальных случаях, фельдшер, обладающий навыками и опытом, способен провести хирургическую операцию, но в обычное время он это не станет делать. Да и права не имеет.

Если бы Мороцкая волость была в моем ведении, потряс бы Михаила Щепоткина – отчего же ты, сукин сын, на родную полицию напраслину возводишь? Мог бы даже и дело открыть, за клевету. Впрочем, Василий Яковлевич, которому пришлось отписываться и объясняться с канцелярией губернатора, и сам знает, что клеветника следует примерно наказать.

Я уже собрался сорваться с места и убежать, пока титулярный советник не примется выискивать орфографические ошибки, но не успел.

³ Надеюсь, не нужно напоминать, из какого фильма персонаж и почему ГГ его вспомнил?

⁴ Согласно описи там был тулуп овчинный, тужурка летняя, фуражка, две телльные рубахи, одни кальсоны, две книги «Наставления по лекарскому делу» и «Справочник аптекаря», да три тетради лекций.

– У меня для вас тоже кое-что имеется, – сообщил Виноградов. – Писание, правда, не в двух томах, всего об одном листе. Дочь попросила, как ей откажешь?

Принимая от титулярного советника сложенный вдвое листочек «женской» почтовой бумаги – голубого цвета, с рюшечками по краям, склонил голову, обозначив поклон.

– Вот, пришлось почтовым голубем стать, – усмехнулся титулярный советник, потом вдруг спросил: – Надеюсь, с Леночкой Бравлиной у вас все серьезно?

Видимо, я настолько неласково глянул на своего коллегу – дескать, какое ваше песье дело? – что Виноградов принялся спешно оправдываться:

– Не обижайтесь, но мы с супругой Леночку очень любим и уважаем. Она для нас почти как родная. Когда ее родители из Белозерска в Череповец перевезли, в Мариинскую гимназию определили, Леночка с Танюшкой моей сразу сдружилась. Я думал – ладно, подруг у девочки пока нет, но позже, как обустроится, подыщет подружек своего круга.

– Какого круга? – не понял я.

– Ну, своего, какого еще? – хмыкнул титулярный советник. – Того, где девушки не дочери поповича или коллежского секретаря – я титулярного позже получил, а из дворянства, либо из купечества первой гильдии.

Неужели у Виноградова настолько развит комплекс неполноценности? Ну и ну. Не выдержав, сказал:

– Александр Иванович, вы ерунду не городите и себя не

накручивайте. Никому дела нет, кем был ваш отец. А хоть бы и было, этим гордиться нужно.

– Не понимаете вы меня, Иван Александрович, – вздохнул Виноградов.

– Тут и понимать ничего не надо, – хмыкнул я. – Накручиваете, делаете проблему на ровном месте. Самые известные историки – профессора Сергей Михайлович Соловьев и Василий Осипович Ключевский – из духовного сословия. Не совру, если скажу, что половина ученых из детей священников или диаконов, а то и дьячков вышла. А на государственной службе сколько? Да что там – Михаил Михайлович Сперанский, светило нашей бюрократии, из духовного сословия.

Соловьева с Ключевским мой коллега мог и не знать, но имя Сперанского ему должно быть известно по долгу службы. Как-никак, под руководством Михаила Михайловича были собраны законы Российской империи, начиная с «Соборного Уложения» Алексея Михайловича⁵. И он же контролировал создание «Действующего свода законов Российской империи». Конечно, свод из пятнадцати томов – многовато, зато все законы под рукой.

– Сперанский – из духовного сословия? – недоверчиво протянул Александр Иванович.

– Совершенно верно, – кивнул я. – Его отцом был священник, матушка – дочь диакона. А вы не знали?

Виноградов лишь покачал головой. Странно. Подобные

⁵ Полное собрание законов Российской империи в 45 томах.

вещи следует знать.

Услышав, что сам Сперанский происходит из одного с ним сословия, титулярный советник словно воспрянул духом.

– Александр Иванович, вы сказали, что Леночка с вашей дочкой подружилась – это хорошо или плохо? – спросил я.

– Да как сказать... – пожал плечами Виноградов, хитренько посмотрев на меня. – Ежели записки любовные через папку подруги передавать – это плохо, но то, что Леночка мою дочь по французскому языку подтягивала, вроде и хорошо. Татьяне моей французский не сразу дался. Леночка с ней месяца два кряду билась, все получилось.

Мысленно похвалив Елену за помощь подруге, заступился за дочку титулярного советника.

– Дочка у вас умница, – похвалил я девушку. – Историю государства Российского прекрасно знает, литературу. А иностранные языки не сразу даются. Мне самому английский язык дался быстро, с немецким труднее было, а французский – прямо беда. Таня, Татьяна Александровна, по-французски лучше меня говорит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.